

The book cover features a vibrant, stylized illustration. On the left, a large, detailed red rose with green leaves is positioned in the foreground. The background is a bright, sunny cityscape with a clear blue sky and a body of water. A woman with long, flowing blonde hair, wearing a blue dress, is depicted in a semi-transparent, ethereal style, appearing to float or walk through the scene. The overall aesthetic is bright and optimistic.

Я. Туди

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

*или
Рули
Вероятностей*

Яр Туди

Исполнение желаний, или Рули вероятностей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69351697

SelfPub; 2023

Аннотация

Чего не хватает тому, у кого есть всё? Энрике Контарини пожелал иметь личный талисман – девушку, которая выглядит так, как он хочет, и исполняет его желания... повышает вероятность их исполнения. Чего же хочет он теперь, когда его талисман повсюду следует за ним, когда он совершил сделку "чудо тысячелетия" и сходил на концерт струнного квартета?..

Содержание

Эпилог.

32

Яр Туди

Исполнение желаний, или Рули вероятностей

.... нарушение принципа причинности – гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений (А. и Б. Стругацкие. «Пикник на обочине»)

Отрывок из интервью с Эммой Голдшмидт. Из цикла статей «Современные пророки.

Катастрофы – причины и принципы»

– Все мы знаем, что мир изменился. Появились «Рули», – создания, способные влиять на вероятность событий. Госпожа Голдшмидт, вы стояли у истоков этого потрясающего открытия – как это было?

– Быстро! Я бы сказала, даже слишком быстро. Сначала это были только короткоживущие существа, вдобавок, довольно экзотические. Землеройки-бурозубки, тенереки. Но, когда их стали изучать, а потом попытались клонировать, началась неуправляемая реакция, сходная с вирусной эпидемией.

– Еще пять лет назад все хором предсказывали гибель человечества, но неожиданно стихийные бедствия пошли на убыль?..

– Да, к счастью, лабораторные животные не читают га-

зет! Собственно, на них обратили внимание не мы, а ученые из Осака, в первую очередь, профессор Янака. Когда очередная серия толчков по линии Нанкайского разлома – или как это правильно называется? У меня в школе были тройки по географии.... Словом, когда вместо чудовищных разрушений все ограничилось одной волной цунами – и закончилось, именно в Осаке провели масштабное исследование на их супермашине. Вот тут наша группа действительно принимала самое активное участие – это нам урезали машинные часы, чтобы провести те вычисления. Мы начали писать жалобы, общаться с их учеными частным порядком, чтобы нам позволили посчитать хоть часть заявленной программы... Ну, а среди нас были ведь и математики и зоопсихологи, как вам известно. Максимально упрощая, тогда-то и заметили корреляции между количеством и... словом, номером поколения, номером модификации клонов лабораторных животных-химер с внедренными «рулевыми клетками». Да, совершенно верно – теми нервными клетками, которые предполагалось использовать в тех, био-техно-гибридных агрегатах, ну, которые вроде бы должны были точно рассчитывать аппроксимации и делать дальние прогнозы... всяких труднопрогнозируемых вещей.

– Точность которых до сих пор ставится под сомнение. Технология так и не была доработана, верно? Может, дело было не в клонах? И не виноваты те, кто решил вывести на продажу модифицированных животных с внедренным «яд-

ром руля» – кусочком ткани с измененными свойствами, которая могла прорасти в организм зародыша, а могла отторгнуться?

– Теперь уже не проверить. Известно одно – при определенном количестве живых существ, в нервной системе имеющих такие клетки, вероятность стихийных бедствий существенно уменьшается. Когда-то домашние животные спасали людей, предсказывая землетрясения. В древности считают, что кролики и крысы могут видеть будущие катастрофы, чтобы во-время спастись. Благодаря «рулевым клеткам» теперь они в какой-то мере могут их предотвращать – по-моему, это большой шаг вперед, не так ли?

– Основатели компании «Петто и Ко», видимо, тоже так думали.

– Желание перейти от аппроксимаций будущего к его изменению – человеческое свойство. Однако теперь никто точно не может сказать, насколько они смогли продвинуться. Видите ли, настоящие ученые никогда не трубят об открытии. Даже добившись прорыва, они предпочитают все проверить и перепроверить. Благодаря этой осторожности «джинн» будет сидеть «в бутылке», пока мы не научимся его надежно контролировать. Но благодаря ей же мы иногда теряем результаты большой и важной работы. Как видите, мы все еще не можем «повелевать будущим», как это принято писать в СМИ.

– Да, после неожиданной кончины главы компании «Пет-

то и Ко» большая часть материалов оказалась утрачена. Удивительно, в современном мире, где информация – главная ценность, разрушение нескольких носителей – и всей базы как не бывало? Неужели гремлины? Впрочем, благодаря вам и вашим коллегам мир уже не станет прежним. Вы признаете, что изменение вероятностей – все еще малоисследованная область, но благодаря самим исследованиям накопилось столько материалов по статистике, – программы, методы, что количество перешло в качество. Услуга типа: «повышение вероятности удачной покупки семян» «просчет динамики цены укропа на рынке», «ведение Вашего бизнеса с учетом вероятностей колебания рынка» стали обычным делом.

– Да, вы правы. Разумеется, прогнозы краткосрочные, а влияние минимальное, но подобные услуги оказываются теперь даже в глубинке. И, конечно, противодействие возможным влияниям на статистику тоже развивалось и было востребованным – так прогресс в производстве снарядов и брони идут рука об руку.

– Почему же Вы приняли решение уйти из науки именно теперь? Общественность была шокирована, все СМИ просто разрывались от обилия версий, домыслов. Говорили даже о романтической истории, и в качестве ее героя называли одного из топ-менеджеров известной корпорации... Кое-кто даже отстаивал версию о «рулевом терроризме»?..

– Да, в тот момент как раз был промежуток между футбольным чемпионатом и началом зимнего сезона, надо же о

чем-то писать, верно?

– Но, согласитесь, землетрясение там, где их не было с 10 века... до нашей эры, в центре современного города, в современном деловом центре, и это в эпоху, когда прогнозы не делает только ленивый...

– ... а в этом «центре центров» еще и небезызвестный статистик-прогнозист почему-то появился? Знаете, это тот самый случай, когда не нужно усложнять то, что имеет более простое объяснение. Да, я приехала специально. И да, мы с господином Энрике Контарини в детстве были соседями, дружили и вот – решили встретиться. На нашего общего друга, ученого, с которым меня связывают как ностальгические дружеские – мы ведь однокашники, – так и давние деловые отношения, было совершено нападение. Господин Контарини обещал помочь с восстановлением лаборатории. И вдруг – я включаю новости и узнаю, что здание бизнес-центра вот-вот уйдет под землю, а господин Контарини не отвечает! Можете назвать это мистикой, но я как почувствовала – он все еще внутри!

– К счастью, уважаемый глава исследовательского отдела одной из лабораторий медицинского объединения «Светлое Будущее» Роберт Фиорентини полностью восстановился и уже вернулся к работе, насколько мне известно.

– Да, и его лаборатория тоже восстановлена и приступила к работе. Как жаль, что нападение безумца, всплеск фанатического экстремизма, или просто агрессия неуравновешен-

ного человека все еще плохо поддается предсказанию!

– Люди – самая непредсказуемая часть системы под названием «планета Земля», не так ли?

– Да. Слишком много неизвестных.

– Извините, мы отклонились в сторону. Связан ли ваш уход из легендарной научной команды с исследованиями господина Фиорентини? Вы, если не ошибаюсь, даже спонсировали их, как частное лицо, еще до вашего объявления на последней конференции. Вы собирались перейти от академической науки «в поле»? Совместно продолжить работы, начатые группой под его руководством в «Петто и Ко»?

– Нет, я приняла решение уйти из науки по личным причинам. Просто мне показалось, что я уже вряд ли смогу сделать что-то важное, полезное для науки. Мне показалось, что теперь пришло время сделать что-то полезное – а может, и важное, – для себя, для собственной жизни. Сестра моей мамы – моя единственная близкая родственница, и ей нужна моя помощь. Она жить не может без своей цветочной лавки, а работать в теплице – годы уже не те... Девочка-сирота, ее маленькая воспитанница, тоже нуждается во внимании. А то ведь как бывает – в мыслях витаешь где-то в высоких сферах – чистая математика, аппроксимации, расчеты. А в реальной жизни не видишь ничего дальше стен собственного кабинета. Исследования тоже могут затягивать не хуже алкоголя или лудомании, знаете ли.

– Вы полагаете, что некоторые ученые делают... скажем

так, вещи, выходящие из рамок традиционной морали из-за... «академической близорукости»? Например, как некоторые сотрудники упомянутой уже «Петто и Ко». Разве исчезнувшие материалы – большая их часть – не являлись предметом исследований и экспериментов группы под руководством Фиорентини? Конечно, как скандал в прессе, вмешательство комиссии, так и трагическая кончина главы компании и нескольких ведущих ученых нанесла удар по исследованиям, по их материальной, то есть финансовой базе, подтолкнув сотрудников к поиску новых возможностей продолжать работу... и, возможно, часть материалов каким-нибудь чудом сохранилась?

– А вот это самая настоящая злая сплетня! Если кто-то из университетский научных работников вдруг открывает бизнес, то на него сразу норовят повесить ярлык «непорядочности» – отметьте, здесь я использую это слово в кавычках! Такой «академический шовинизм» – просто бич нашего научного сообщества! Решивших заняться прикладным использованием научных знаний в чем только не обвиняют – от шарлатанства до создания оружия массового уничтожения.

– В «Петто и Ко» делались попытки внедрить некие модифицированные части «рулевых клеток» в человеческие зародыши, в зиготы. К сожалению, это установленный факт. Часть биоматериалов, включающих и пресловутые «рулевые клетки» оказались утраченными, что следует из доклада комиссии.

– Возможно. Но, знаете, если бы Фиорентини в самом деле удалось закончить исследования Такаемы и продать их результаты, думаю, он сейчас купался бы в золоте. Насколько мне известно, нет ничего более далекого от истины!

– Я не хочу упоминать именно господина Фиорентини, но ведь лаборатория, в которой он – ведущий специалист, занимается и ЭКО¹, и операциями над человеческими зародышами.

– Я так понимаю, что если лицензированная, а стало быть, максимально строго и беспристрастно проверенная лаборатория спасает детей от генетических болезней и позволяет людям стать счастливыми родителями, то она занимается нужным делом. Если ее ведущий специалист при этом производит научные исследования на базе этой лаборатории – с соблюдением закона и с согласия руководства, разумеется, – не вижу в этом ничего предосудительного. Напротив, я нахожу это похвальным... Вот поэтому я одалживала ему деньги на эти исследования и делала для него некоторые вычисления. Более того, я рассчитывала, что, когда он закончит исследования и перевернет теорию Янака-Хаузера, то упомянет мое участие. Да, это тщеславие – но что поделать! К сожалению, открытия не получилось. Так бывает, знаете – отрицательный результат – тоже результат, теперь точно известно, что профессор Янака прав, а предположения Такаема

¹ Экстракорпоральное оплодотворение, искусственное оплодотворение вне организма, как правило, с целью лечения бесплодия

мы, увы, оказались не более чем смелой гипотезой. Очень жаль, что их жизни оборвалась так безвременно – как знать, какие открытия совершили бы они в дальнейшем, какие истины родились бы в их постоянных спорах... Очень, очень жаль.

* * *

Женщина медлила – разговор обещал быть неприятным, и она собиралась с силами, поднимала в себе решимость.

Из-за двери донесся резкий выкрик:

– От вашей куклы одни неприятности, забирайте ее, и чтоб я вас больше не видел. Деньги переведете до конца недели. Баста!

Из-за двери вырвался рассерженный мужчина в дорогом офисном костюме. Да, дорогой – вот как его лучше всего описать. Богатый и властный. Сильный, решительный, уверенный в себе... Уверенный?..

Женщина поджала губы разочарованно и печально. Не взглянул на нее. Несется, как носорог – близорукий, ничего толком вокруг не видящий. Грустно.

Ее не заметили. Телохранители – тоже, они быстрым шагом следуют за ним. Впереди – никого. Телохранители плохи? Или... неуверенность босса, говорят, заразная штука...

У Энрике было все – богатство, здоровье, успех.

Сейчас он спрашивал себя – чего же ему собственно, не хватало?

Зачем он отыскал Роберта? Всю неделю планировал, собирал материал.

Энрике хотел улыбнуться, вспомнив, как отшатнулся от него Роб, увидев на его ладони несколько волосков каштанового цвета. Он ведь сразу все понял. Не предсказание... как они это называют? Аппроксимация! Не «ведение» – советы, как действовать оптимально, составленные по сложным кривым вероятностей – видал он такие, у него целый отдел умников, которые их рисуют... и другой отдел – собирающий сведения, особые сведения для этих умников и их умных машин.

Нет, ему нужно другое. То, что делали, по слухам, для босса триады. Для военного диктатора, того, атлантического... По слухам, не только для них. По слухам, для тех, кто устроил «несчастный случай» Янаке, когда тот что-то кому-то сказал... или только собирался сказать... Предсказания – ерунда по сравнению с возможностью повышать вероятность желаемых событий – вот что он вынес из всей этой научной галиматьи. И только человек может менять вероятности осознанно.

Талисман. Ему нужен был Талисман. Повышать вероятность желаемых событий. Исполнять желания. И чтобы его талисманом стала Камели. В детстве.

Энрике помнил, как Роб, вздыхая, разглядывал фото – на него серьезно и немного вызывающе смотрела зелеными глазами совсем юная Камели. Жаль, что всего за пять лет она из бойкой малышки превратилась в такую стерву, что клейма не на чем ставить, жаль. Энрике усмехнулся – красotka переоценила своих адвокатов, шиш она с него получила. Да, зубастая девочка, но у него-то зубы покрепче и побольше. Да и выглядит она в последнее время, по правде сказать... Когда он жил с ней, не замечал, а во время заседания ему бросилось в глаза, как утратило свежесть ее лицо. Она вечно сидела на диете, от этого бабы дергаными становятся, несытыми, в общем. Сиськи можно вставить, кожу натянуть, но... Живости в ней не осталось, будто пластиковая, манекен запрограммированный, не девчонка. Глядеть – жалость берет.

Но он это поправит. Скоро он будет водить с собой Камелиту. Свою девочку, личную. Улучшенную версию Камели. А как подрастет...

Он доверился Роберту – кому еще, как ни давнему приятелю, самому умному, вечно бравшему стипендии. Роб всегда гонялся за деньгами. Просто они шустрее, – так шутила Эмма, – если кто их догонит, то Энрике. Когда Роберт торжественно вывел малявку в чем-то кружевном, розово-би-

рюзовом... бирюзовом! – Он, Энрике, не поверил своим глазам, в которых вдруг дрогнуло и расплылось детское лицо, изящное, как халцедоновая гемма. Нежный овал, точенные черты в оправе пушистых светлых кудряшек, и глаза – прозрачные, как вода в быстром ручье. Лицо Примулы в детстве! Этой богемной чудачки, хиппозе не от мира сего! Так она смотрела своими серыми в серебро глазами куда-то сквозь него – ох, этот взгляд! Сразу все вспомнилось, и вернулось то чувство – проклятье!

На Примулу он убил год, он стелился, он готов был купить ей весь мир и перевязать его бирюзовой ленточкой, – её любимый цвет! Но каждый раз она поднимала глаза, и... Как он ненавидел ее, как он ненавидел себя в такие моменты! Для нее все, чего он добился с таким трудом, с такими жертвами – его богатство, его власть, его почти безграничные возможности были ничем. Ей было все равно. Бриллианты, туалеты от кутюр, редкие вещи и предметы искусства, доступные только избранным имели в ее глазах ту же цену, что красивое облако или игра света на крыльях бабочки. Он не знал, чем ей угодить, а она чего-то ждала от него, вечно ждала. Она совершенно не понимала, что он не может сидеть рядом с ней, глядя на закат. Или гулять – представьте себе! Просто – гулять – по – улицам! Он – гуляет! Пешком! По каким-то проулкам! Он что, для ЭТОГО потратил всю молодость, прошел... Лучше не вспоминать, как это было – как он спал по два часа в сутки, как... Сейчас самому не верит-

ся, что он это выдержал. Такие победы! Это было... И что – теперь он будет мерить ногами кривые улочки, спотыкаясь о трещины в асфальте? Пить кофе в забегаловках? Или сидеть с ней, держась за ручки, как безмозглые детишки? Ему дело делать надо!

Нет, он пытался водить ее на приемы – другие бабы душу отдали бы за это, а уж тушки отдавали на раз, без раздумья, и какие бабы! Ей не в пример – шикарные, умные, хваткие, не женщины – мечта любого. А эта сидит рядом с ним и смотрит своими глазами в пространство. Или на картину какую-нибудь.

Потом она познакомилась с той, редакторшей, как бишь ее... Болтала с ней весь вечер о фарфоровых поделках – не дурь ли! Кому нужны эти куколки? И она – при всех! – Трепалась с этой ведьмой, которую на прием-то пустили только потому, что такую – поди не пусти... И улыбалась – она же улыбалась этой стерве, этой чертовой писаке, как родной! Ему она так не улыбалась с тех пор... С каких пор? Да, с той поездки на взморье.

А уж как он узнал об их встречах в кафе – должен же он был проявить твердость, наконец! Его жена, его женщина не должна ронять себя, болтая со всякими... Да еще сболтнет что-нибудь по дури, а этим писакам только дай намек – мигом все вывернут наизнанку.

Да... После этого разговора... Правда, говорил-то только он... Ну, и не совсем говорил, он... ладно, он раскричался.

И статуэтку эту грохнул, но имеет же он право показать ей... статуэтка та тоже на его деньги... Она должна...

Она ничего не должна. Никому. Если она дает что-то, то бескорыстно, и не рассчитывает на отдачу. На возвращение долга. На ответные чувства. Принимает дары она на тех же условиях.

Прости, я тебя ранила. Я не хотела этого. Прости.

Она ушла, и то, что она сидела у него под замком и охраной, что не могла шагу сделать без его позволения – это ничего не меняло. Ее не было с ним. Он мог запереть, мог лишить всего, мог, будь у него такое желание, бить, причинять боль... наверное, даже убить ее мог, и ничего бы ему за это не было. Но она – та она, которой он желал, которой жаждал и готов был заплатить всем, хоть весь мир отдать – она ушла от него и никогда не вернется. И нет у него никаких средств, чтобы вернуть ее. Чувство полного бессилия от одного лишь взгляда ее серо-голубых глаз, чистых до прозрачности. Вот что было самым унижительным.

Кстати, позже она все-таки смылась. Не зря говорят, что у тюремщика кучу времени отнимают разные дела, а узник может сконцентрироваться на одном. На побеге. Может, ей журналистка помогла скрыться. Может, другие – были у нее какие-то знакомые, подруги. Странные типы – взять хоть ту, что мелких собачонок разводит, – совершенно чокнутая баба! Кроме своих крыс ни о чем говорить не могла – выставки, экстерьеры, рецессивные признаки, доминантные признаки.

И дочка у нее такая же. Хоть и хорошенькая – сил нет! Да. Может, у них Примула и отсиживалась, пока он тратил бешеные деньги на детективов?

Позже она, конечно, нашлась. Замуж вышла за какого-то неудачника, пекаря. Теперь, небось, пиццу жарит, а могла бы блистать на самых высоких... Да что там говорить! Сгоряча он хотел показать им, кто хозяин жизни, а кто нищесброд, дешевка. Разорить, раздавить, заставить голодать, чтоб ползали, слезами обливаясь... Но это быстро перегорело. Ну в самом деле, комедия, и только! У них же нет ничего, ни денег, ни акций, ни положения в обществе. Выгнать их разве из домишка с пекарней? Другой снимут, в таком же закоулке. Избить этого болвана? Да он и так увечный по жизни. Ну, будет он валяться где-нибудь в дешевой больничке, а она будет кормить его дешевым супчиком с ложки? И ее глаза будут светиться, как тогда, на взморье. Будут улыбаться, улыбаться... ему... этому неудачнику-пекарю... Тьфу! Он, Энрике не дурак, и не злодей из мыльной оперы. Если она такая дешевка, так пусть получает свое дешевое счастье! Для него найдутся женщины получше, да в тысячу раз красивее, моложе, дороже, которые торопятся жить, которые умеют блистать, которых не придется стыдиться...

– Почему у нее волосы светлые? Да еще кудри? Я тебе что давал?

Прошипел Энрике севшим голосом.

Роберт ежился и пожимал плечами – генетика! Что до

волос – они, вообще-то были крашенными. Энрике что, не знал, что его подружка была блондинкой? Такие зеленые глаза редко бывают у темноволосых, скорее, у рыжеватых или светленьких – известный факт. И потом – тут же и его, Энрике, генетический материал. Венецианская краса его предков – белокурые или рыжие вьющиеся волосы, нежная светлая кожа – все это до поры пряталось в генах Энрике. Чему же удивляться? Да и заказ был – повышать вероятность реализации задуманного, исполнения желаний Энрике, разве нет? При чем здесь ее волосы? Их можно и покрасить, а глазам добавить цвета...

Вдруг это создание, стоящее до той поры неподвижно, шевельнулось, ее брови взлетели в таком страдальческом изломе, что у Энрике невольно сжалось сердце. Девочка мгновенно оказалась у письменного стола и выхватила из органайзера нож – острейший канцелярский нож с выдвигающимся лезвием. Длинный взмах! Энрике на миг показалось, что девочка перерезала себе горло, но кровью налилась лишь длинная царапина поперек ключицы и плеча. Светло-пепельные кудри осыпались на пол разом, полегли у ног, как побеги вьюнка под косой. Энрике отшатнулся, борясь с брезгливостью. Девочка опустила глаза. Когда она их вновь подняла, они казались совсем темными, почти фиолетовыми, будто чернилами залились.

Кончилось тем, что он, сбавив обещанную плату вдвое, все же забрал это существо. Называть ее Камелитой ему рас-

хотелось. Ладно, хоть на Примулу она больше не похожа. Говорят, такое случается с настоящими, истинными «рулями» – меняя вероятность, они меняются сами. Тем более, что он сдал свои клетки, генетический материал. Он – ее хозяин, верно? Она же должна помогать исполнять желания, вот и исполняет. Все идет по плану. А волосы потом можно покрасить. А можно и так оставить – какая, в конце концов, разница?

Потом все покатило по наклонной, как снежный ком.

Порой Энрике посещало чувство, что он спит и видит странный сон – никогда с ним такого не было. Девчонка таскалась за ним, будто прилипла. Она не мешала, не приставала с болтовней, но ее присутствие угнетало. Было в ее темных глазах на бледном личике нечто вампирское.

А еще прогнозы! До какого-то момента намеченные дела проходили в соответствии с экстраполяцией, он выполнял все коррекции, получал контрольные точки – все как всегда. И внезапно – будто что-то вселялось! – он начинал совершать ненужные сделки, нарушать планы на каждом шагу, опаздывать на встречи и отменять приглашения. Купил за чем-то дурацкий участок с клумбами – невелики деньги, но зачем?! Вместо запланированного междусобойчика на яхте вдруг взял всем билеты на благотворительный концерт! За свой счет! Причем, он в самом деле пошел туда! Слушать струнный квартет! Классическую музыку! Но самое непонятное – делая все это, он испытывал невероятный энтузи-

азм, он не ощущал такого подъем со студенческих лет, если не дольше. Эйфория кружила голову, а проказливая радость хихикала в душе, как сбежавший с уроков двоечник. Наверное, так чувствуют себя какие-нибудь промарихуанившие мозги бездельники-художники (для Энрике это было ругательством)

Энрике чувствовал, что знакомые шепчутся за его спиной. Среди них были и члены правления! А если слухи дойдут до конкурентов? Завистников хватает. Надо что-то делать, пока он не завалил серьезной сделки своими... художествами.

Стараясь не попасть под прицел темно-фиолетовых глаз, он позвал охрану и набрал Роберта. Пусть забирает назад свой косяк.

* * *

– Роберт, я знаю, что у тебя проблемы. Ты из них и не вылезал. Но давай обсудим, наконец, какой-то вариант!

Женщина уже не собиралась с решимостью, и не вызывала в себе искусственной уверенности – она сердилась искренне, и голос ее звучал настоящим металлом.

– Проблемы?! – гнусавый голос поднялся до пронзительно-истерических нот, даже в ухе зазвенело. Женщина отодвинула аппарат подальше.

– Знаешь, что я скажу тебе, Зая? – Роберт прекрасно знал, как она ненавидела это прозвище, еще со школы. Тем более, что Роберт его и придумал. – У меня нет никаких проблем! Вернее, очень скоро их не будет! Одно из двух. Либо меня уничтожат головорезы твоего дорогого Рики, которые сейчас болтаются вокруг клиники. Но, знаешь что я тебе скажу? Есть причины думать, что наш друг Рики к этому времени будет размазан по всему кварталу, вместе со своим именным небоскребом! А может, и со всем кварталом! Так что я постараюсь продержаться тут, в осаде – глядишь, со смертью работодателя эти бандюги утратят свой пыл. А может, вообще уберутся восвояси! Вот тогда и обсудим! Вариант! Все-о обсудим и обвариантим.

– О чем ты? Рехнулся со страху?

– А ты, как всегда, новости игнорируешь? Так посмотри – и все поймешь.

Посоветовал Роберт и театрально захохотал, как злой властелин в последней серии.

* * *

Прошло менее получаса, когда женщина с помощью таксиста выгрузила из багажника свой велосипед. Одинокая велосипедистка мчалась по опустевшим улицам в сторону бизнес-центра, сейчас скрытого большим облаком пыли. Даль-

ше стояло полицейское оцепление. Женщина поставила велосипед у стенки кафе под кашпо с петуниями. Подождав чуть-чуть, она вихрем проскочила это кафе насквозь, выбежала из черного хода рядом с продуктовым грузовичком, нырнула под желто-полосатую ленту и бросилась прямо в пылевое облако, которое, наступая, распространялось все дальше и дальше.

– Контарини! Контарини! Где ты?

Огонек детектора мигал все быстрее. Ну, где же этот чертов...

Девочка. Взгляд странных, графитово-серых глаз – словно вспышка, луч сквозь белесую пыль. Бледное личико выглянуло из-под офисного стола.

– Контарини, ты хотел вернуть девочку Роберту? Ты недоплатил ему. Он отдал ее мне! За долги! Вот деньги, половина стоимости. Девочка уже не твой талисман, а мой! Сто-о-оп!

Мужчина в светлой «тройке» стоял спиной к двери, опираясь на стол и ждал, когда упадет прозрачная стена – строй окон до самого потолка, вполовину периметра офиса.

Она, подбежав, выдернула девочку из-под стола, обняла, а потом схватила мужчину за руку.

– Рики, а ну, – немедленно на выход! Есть разговор.

Энрике хотелось кофе, но он не мог взять чашку – руки тряслись. Никто не должен видеть его таким – безостановочная дрожь и неуверенность в глазах. Тем более, эта сумасшедшая прогнозистка. Лучше умереть львом, чем жить трусом, говаривал отец. Энрике думал, что изгнал подлый страх из сердца навсегда, что скрупулезное планирование, сила и деньги дают ему эту привилегию – не бояться, а принимать меры – как в случае успеха, так и при провалах. И вот, даже его собственные руки не слушаются его, какое уж тут планирование...

Все пошло кувырком. Все – с того момента, как он увидел эту девчонку. Нет.. привычка контролировать и анализировать честно подсказывала – нет, с того момента, когда он одним жестом остановил расправу и произнес: «Довольно. А теперь забирай назад свой косяк, Роб, и уезжай. Мой тебе совет – чтобы я о тебе больше никогда не слышал». Когда этот ничтожный вивисектор вдруг поднял разбитое лицо с пола и медленно, четко сказал: «Это твой талисман, Рики. Скажи ей, что она косяк. Может, тогда она уйдет. А может, и нет...»

Невольно Энрике опустил глаза – и встретился взглядом с этим созданием, и с ужасом понял, что она больше не похожа ни на Примулу, ни на Камелиту... ни на кого вообще, словно ее лицо стерлось, хотя все черты – нос, глаза, губы,

графитовые глаза без блеска – оставались на своих местах. Почему он не оставил, не запер это.. существо там, в разгромленной лаборатории? Просто выбежал прочь и мчался так, что охранники, бросив Роберта, едва поспевали сопровождать его?

Энрике не хотел вспоминать последовавшую за этим неделю. Он знал, что люди из его «режиме» держали под контролем лабораторию Роба и всю клинику – но не могли действовать, потому что он не мог отдать приказ. Он знал, что девочка следовала за ним в отдалении – но не мог оглянуться, не желая видеть ее лицо...

Работа? Он дисциплинированно ходил на все заседания. Говорил «да». Говорил «нет». Кивал и качал головой... Ему ни до чего не было дела, но все работало как часы, никогда еще дела корпорации не шли так хорошо.

Сделки? О, ему на них везло! Как ему везло – масс-медиа хором назвали последнее слияние «чудом тысячелетия», его акции подскочили до небес, его личные счета... Он не читал уведомления, ему было все равно. Может, фирма, корпорация, дело – может, достигнув какого-то уровня, бизнес сам становился Талисманом, который крутит нити вероятностей так, как ему угодно?

...При взгляде на безликое, «никакое» существо, бывшее его Талисманом, Энрике понял, вернее, открыл то, что понимал – нет, что ПЛАНИРОВАЛ, – когда отправился к Робу – именно к Робу! – чтобы получить вторую Камели... нет!

Примулу! Девочка верно почуяла, и Роб не ошибся.

Энрике – который всегда двигался только вперед, Энрике, положивший свою жизнь чтобы подчинить жизнь своей воле, он, Энрике, хотел вернуться в прошлое. В молодость, где были споры с Робом и Эммой, юная Камели, к тому Энрике, который мог полюбить Примулу, которого ВИДЕЛА Примула, когда смотрела в его лицо – и ушла, когда больше не могла увидеть...

Как глупо! Как глупо! Он прекрасно – лучше, чем кто бы то ни было, – знал – вернуться невозможно! И его Талисман страдал, корчился и терял форму – буквально лез из кожи, стараясь вернуть того, беспечного, нерасчетливого Энрике, юного и веселого, оживить его тень отдыхом, музыкой и цветами! Как глупо...

А бизнес – сам себе Талисман, – скручивал и притягивал нити случайностей, сплетая... сеть. Он, Энрике был нужен ему, как важная деталь механизма, которая не должна выпасть. Которой не вырваться из сетей. Но Энрике – о! Он был очень сильным! Он, а не молодой, легкомысленный дурак, смеявшийся от души по десять раз на дню, – он вытренировал себя для борьбы! И Талисман его не подвел, – он понял это, увидев первую трещинку в бетоне... Случайности больше неслучайны, а его Талисман, пропитанный его непреклонностью, безжалостной целеустремленностью, – его, Энрике, силой и властью – все же скрутил эту надоевшую, наскучившую жизнь в бараний рог! Корпорация сейчас несо-

крушима? Земная твердь тоже выглядит несокрушимой, а ведь немного напряжения там, небольшая встряска здесь... Пара случайностей – и катаклизм сам набирает обороты, наверное, стихийные бедствия тоже на каком-то этапе превращаются в Талисманы – Рули Вероятностей.

– Эмма? Откуда ты...

– Рики, довольно. Я не хочу говорить с тобой о прошлом. Если у тебя депресняк, это еще не причина, чтобы «все утопить». Что ты думаешь, от этого веселее будет? Ну, так купи себе муравьиную ферму и на досуге устраивай там гекатомбы.

Она погладила девочку по пепельным волосам.

– Талисманчик, мороженого хочешь?

Девочка покачала головой.

– А фруктов в сиропе? Вишенки, мед – ммм! Вкуснятина!

Девочка медленно потянулась за ложкой. Эмма кивнула официанту.

Летний аромат, – сладкий, густой, – заставил Энрике отодвинуться.

– Как ты можешь есть эту приторную похлебку? – слегка сморщив нос, буркнул он.

– Ложкой! Впрочем, тебе могу дать щипцы... с длинной ручкой!

С ума сойти – ее голос ничуть не изменился! На мгновение ему почудились у входа в кафе, там, где в контейнерах разноцветная герань – три велосипеда. Красно-черный дев-

зачий. Оранжевый с белым, с кривыми буквами “R O B” на седле. И – с краю – новенький сине-стальной с широкими колесами – самый крутой, – его велик. Который папа купил ему за победу в олимпиаде!

Энрике взглянул на девочку и впервые не отвел глаз. Она вдруг подняла голову, чуть улыбнулась и неловко показала – как брезгливо, щипцами, можно брать вишенку из сиропа. Энрике вдруг расхохотался. Вспомнил фразу из детской книжки *teach me to laugh save my soul* «научи меня смеяться, сохрани мою душу» – и ему стало еще смешнее. Черт, дьявол, который, даже разучившись смеяться, по-прежнему заключал блестящие сделки – жизнь-то продолжается!

– Правда что ли обратиться к «ДФ»? (UF)²

И они еще раз рассмеялись – на этот раз вместе с Эммой.

Это ее отец вечно отпускал шуточки про «дядюшку Фрейда», а Рик с Робом решили, что речь шла о «дяде Фреде» из сериала. Так и повелось – «с этим – к ДФ!», «привет от ДФ!» – «ну, ты и придумал!», «Ну и отмочил!» – объединяя обоих «дядюшек» – известного и понятного ребятам чудака, которого в Лондоне ждали всякие смешные приключения, с незнакомым, но тоже как-то связанным с чудаками в Лондо-

2

Фредерик Альтамонт Корнуоллис Туислтон, пятый граф Икенхемский (также дядя Фред, англ. Uncle Fred) – персонаж юмористического цикла произведений английского писателя Вудхауза, любитель приключений, легко ввязывающийся в запутанные проблемы и втягивающий в них своего племянника Понго (в русском переводе – Мартышку), и ловко улаживающий их. Комического сериала про его приключения не существует.

не серьезного венского доктора.

– Ладно, мне пора. Ремонт здания, вся эта шумиха... Эмма, рад был тебя видеть.

Энрике посмотрел на девочку, увлеченно копающуюся ложкой в густом сиропе и заключил:

– Вторую половину суммы оплатишь в течение года. Договор и чеки я пришлю Робу на почту. Передай ему... гм, мои извинения. Завтра в лабораторию придет комиссия – оценить убытки. Ему компенсируют, и если нужно медицинское вмешательство – тоже. Впрочем, не думаю, что ему что-то повредили.

– Ты, Рики, как был жмотом, так им и остался! Вычти из остатка недоразрушенные дома – и мы в расчете! У меня нервы крепкие, так что землетрясений, надеюсь, у нас больше не будет. Верно, талисманчик?

Девочка кивнула, по-прежнему не отрывая взгляда от перипетий вишенки среди сиропных турбулентностей.

– Ну, договорились. – Легко улыбнулся Энрике, положил несколько купюр в меню и встал.

– Смотри, будь хорошей... гм, девочкой. – Неожиданно обратился он к талисману. – И не ешь много сладкого, вредно.

Девочка подняла на него глаза – зеленые-зеленые, как июньская молодая листва, – и медленно кивнула. Потом положила ложку и несмело помахала ему на прощание.

Проводив взглядом длинную, красивую серебристую машину, уносившую Энрике назад, в центр, Эмма встретила взглядом с девочкой.

Огромные зеленые глаза смотрели с такой надеждой!

– А... я теперь буду настоящим талисманом? Вашим?

Женщина мягко улыбнулась и коснулась пышной шапки ее волос – светлых, почти белых, как пух одуванчика.

– Конечно, моим. Самым настоящим.

– И у вас теперь будет все получаться? – не отступала девочка.

– Чтобы абсолютно все получалось, так не бывает. Это даже страшно немножко – когда получается абсолютно все. Нет, так не должно быть, что ты!

Женщина, смеясь, погладила девочку по волосам, присела рядом и взяла ее за кончики пальцев.

– Знаешь, вероятности, рули, судьба... Я не думаю, что Талисман – то, что гарантирует успех. Слишком было бы просто, знаешь ли! Для меня Талисман – это то, что радует. Что придает уверенности в себе, в своих силах. Теперь, какая бы неудача мне не грозила, я не паду духом. Ни одно поражение не заставит меня опустить руки от собственного бессилия. Вот посмотрю на свой Талисман – и снова взбодрюсь, верно? Ой, смотри! Твои волосы!

Девочка коснулась упавшей на глаза пряди, и ей показалось, что волосы в самом деле немного удлинились и начинают виться, превращаясь в локоны. Ее улыбка выглядела робкой и чуть печальной, когда она поворачивалась перед зеркалом, разглядывая свою прическу и так и сяк. Она была так счастлива, что не замечала, как глаза ее, светлея, наполняются серебряной голубизной майского лесного ручейка, прохладной и чистой.

Эпилог.

– Все еще болит?

Роберт налил себе минеральной воды без газа.

– Да нет, наверное. Выбирай, что нравится!

Двое за столиком рассмеялись.

– Серьёзно, эти ребятишки знали свое дело, чтоб их... Даже нос не сломан, а как же больно было!

Женщина поджала губы, но промолчала. Зачерпнула ложечкой взбитые сливки и разглядывала их со всех сторон, будто ничего не было важнее.

– Да знаю я! – разорвал повисшую паузу Роберт. – «Какого черта ты связался с таким заказом!» «Какого черта ты связался с Рики!»

– ... и вообще – какого черта! – Закончила женщина, решительно отправляя в рот сливки. – Брось, Роб, тебе нужны были деньги, а остальных, кто мог заказать, ты просто слишком боялся, чтобы предложить им...

– Деньги? Ты думаешь, я из-за денег?..

– Я думаю, из-за страха в первую очередь. Поднялся шум, ты хотел побыстрее избавиться от эмбрионов...

– Зая, ты ничего, ничегошеньки не поняла! Они все умерли! Это были даже не эмбрионы, просто фрагменты... мозаика из живых клеток. И они умирали один за другим! Такама-сё... она же вложила в них свою жизнь, она... мне ка-

жется, если она что-то в мире и любила, так только их! А я не смог их спасти! Я не крал их, они погибли бы без специальных... да они и так погибли! Кроме одного. Я должен был что-то сделать. А тут Рики... Понимаешь, это вроде чудо! Его клетки подошли идеально! Да подбирай я нарочно, не смог бы найти лучшего ..

– ... папаша! – Женщина желчно хихикнула. – Офигеть! У меня ребенок от Рики! Моя бедная мамочка, как я ей скажу!

– Смейся, смейся. Ты тогда так и не переспала с ним, а? Наша решительная Зая впервые получила поворот! С реваншем тебя.

Роб иронически отсалютовал высоким стаканом с газировкой.

– Кстати... А ему ты сказала? Спорим, нет? А он и не понял, что девчонка по-прежнему его талисман! Его гены – не перепишешь.

– Ну и пусть. Главное – живет. Радуется. Мне в магазине с цветами помогает. В школу ходит. Рисовать, представляешь, начала... Она, твоя «сё», говорят, прекрасно рисовала?.. А кто и чей талисман – это вилами на воде, Роб. Вот у тебя – есть Талисман? Ты даже хорька какого-нибудь себе не сделал.

Роберт опустил голову.

– Ты тоже. Хаузер заспиртовал своего ежа и поставил в кабинете на стол. У Такаямы-сё... был...

– Та птица? Тоже химера, верно?

– Да. И...

– Ну, Роб, заканчивай. Не думаю, что дело в этом. Вы ввязались в опасные игры с опасными людьми. Тут – к гадалке не ходи. И даже к прогнозисту. Тебе повезло, вот что!

– Нам всем повезло, Зая. Пока повезло. Знаешь, что один русский писал: «Нарушение законов вероятностей – более страшная вещь, чем целые стада привидений»

– Не бойсь, Роб. Прорвемся! А нет – так стоило ли бояться.